

Глава 367: Тибетские кавалеристы на вершине горы

С высокого горного пика, океан тумана можно было увидеть, каскадом ниспадающим вниз от вершины, становясь все более слабым и слабым, пока не рассеется полностью.

В этот момент два бронированных офицера с саблями, висящими на поясе, смотрели на это величественное зрелище. Их руки были обнажены, и их лица были ярко красными, указывая на их этническую принадлежность.

Это были тибетские солдаты.

Наступил холодный рассвет с легким ветерком, и листья деревьев, казалось, слегка бледнели пред лицом холода. Оба солдата стояли против ветра на большой высоте, но они, казалось, были невосприимчивы к холоду.

«... Это должен быть двадцать седьмой день, верно?» - тибетский офицер с густыми бровями и острыми глазами, напоминающими орла, смотрел на землю под горой, задавая этот вопрос.

«Да. Великий Тан действительно стал сдавать», - ответил второй офицер. Его голос был слегка презрительным и агрессивным.

Несмотря на более низкий рост тибетцев, они, как известно, были особенно жестокими.

Недаром Великий Тан не смог победить У-Цан, несмотря на годы войны. Их территория, находящаяся в более высоком положении, сыграла в этом значительную роль, но агрессивность и доблесть тибетцев тоже внесла немаловажный вклад.

«... По пути сюда не было ничего, что могло бы действительно создать нам препятствие или угрожать нам. Великий генерал приказал нам проникнуть в глубины Центральной равнины, чтобы испытать Великий Тан, но, по внешнему виду, кроме армии Большой Медведицы Гешу Хана, нам нечего бояться», - презрительно добавил второй офицер.

В течение стольких лет тибетцы рассматривали Великий Тан как своего смертельного врага и величайшую угрозу для них. Кто знал, что, хотя У-Цан экспериментировал с новыми вещами и продвигался вперед, Великий Тан почивал в мире и медленно деградировал, теряя силу, которую когда-то имел.

Несмотря на то, что они были всего в количестве триста человек, они смогли проникнуть так глубоко в страну своего врага. Учитывая такое, как они могут чувствовать хотя бы малейшее уважение?

«Ага. Чтобы испытать Великий Тан, Великий Министр издал два приказа: один из них - мы, а другой состоит из нашего Первого Принца и лорда ДуСуна Мангпа. Наша миссия - оценить

силу Великого Тана, в то время как Первому Принцу поручено проникнуть в глубины столицы. К настоящему времени мы должны сделать грубую работу с нашей миссией, чтобы мы вернулись в ближайшее время. Интересно, как обстоят дела со стороны Первого Принца?» - заметил офицер.

«Хе, с лордом Дусуном Мангпа рядом, что может пойти не так?» - ответил второй офицер.

«Это правда», - усмехнулся первый офицер. ДуСун Мангпа был одним из «орлов» высокогорья, великим генералом империи. Хотя его положение все еще находилось под Великим Генералом Тадра Хонгло, не было никаких сомнений в том, что он был столпом столицы.

С ним рядом не было проблем, которые они не могли преодолеть.

«Наши разведчики только что вернулись, и кажется, что еще одна армия собралась в лагере Великого Тана. После того, как мы убьем эту связку, мы немедленно отправимся в горы!» - сказал второй военный офицер, и оба посмотрели на нижнюю часть горы с дикостью и волнением, отраженным в их глазах.

Ху!

Ветер дул, и деревья за мужчинами тряслись. На мгновение, среди пышного леса, можно было смутно увидеть много пар озорных глаз и возвышающихся верховых лошадей.

Но когда ветер прошел, все исчезло в тени. Даже два тибетских офицера исчезли из виду.

Все следы тибетцев исчезли. За исключением нескольких солдат, никто из Центральные Равнин не мог себе представить, что там находится тибетская армия, располагающаяся лагерем на горе в глубине их территории.

Внутри лагеря Ван Чун спросил: «Ну что там? У вас появились новости?»

Он старался оставаться незаметным, насколько мог, в течение этого периода времени, поэтому оставил работу по сбору информации для других.

«Да, мне удалось кое-что выудить. В этой военном лагере около двадцати новобранцев, и комендант Великой Медведицы пришел с армией в четыреста человек. Кроме того, похоже, что военная логистика привезла кучу тяжелых щитов с башнями длиной около семи футов. Мне удалось найти возможность сломать один из ящиков, и я нашел на них знак «Большой Медведицы».

«Вероятно, это амуниция, принадлежащая Армии Большой Медведицы, и комендант привез это сюда с целью войны с тибетскими кавалеристами», - серьезно сказала Чжао Ятун.

Как одна из ранее прибывших в этот лагерь, она была осведомленным лицом, позволяющим ей передвигаться, не подвергаясь подозрениям. Таким образом, задача сбора информации пала на ее плечи.

«Четыреста боковых щитов... Они, вероятно, собираются принять формацию, которую обычно использует армия Большой Медведицы, чтобы иметь дело с тибетцами. Если подумать, комендант не так уж плох. По крайней мере, он умнее, чем предыдущий командир, который погиб в битве. Но даже если использовать башни-щиты для борьбы с тибетцами - это хоть и хорошая идея, жаль, что он не Гешу Хан!» Ван Чун пробормотал про себя, качая головой.

Гешу Хан был очень уважаемым генералом, чье имя распространилось далеко за пределы Лонси, достигнув даже столицы. Как говорилось в знаменитой поговорке: «В ночь под звездами Большой Медведицы, Гешу Хан посетит вас с саблями». Это высказывание происходило не от бойцов армии Большой Медведицы, а от мирных жителей Лонси. Из этого видно, как популярен Гешу Хан в пределах Лонси.

Таким образом, солдаты в Лонси были глубоко подвержены его влиянию.

Это также стало причиной того, что Ван Чун решил сохранить здесь низкий профиль.

Без сомнения, комендант Большой Медведицы в военном лагере был также одним из тех, кто глубоко уважал Гешу Хан. Формирование, которое комендант, вероятно, использовал бы, устанавливая башни щитов на дне склона и используя их для блокировки атаки кавалеристов, было тактикой, которую Гешу Хан придумал в свои ранние годы для борьбы с тибетцами.

Тем не менее, Гешу Хан использовал бы эту тактику, если бы столкнулся с тибетцами в неблагоприятном крутом ландшафте, и не нашел иного выбора, кроме как задействовать ее. В противном случае, при нормальных обстоятельствах, он избегал бы сражаться с тибетцами в такой местности.

Комендант Большой Медведицы попытался принять военную хитрость Гешу Хан, но было жаль, что он едва соскреб поверхность.

Видя это, Ван Чун не мог не вздохнуть глубоко внутри.

Чжао Ятун, глядя на Ван Чуна и заметив его особое выражение, спросила с тревогой: «Что мы теперь будем делать?»

Как знаменитое Копье Огненного Огня в столице, она действительно имела право гордиться, и очень мало людей могли ее поймать. Но на этот раз она была действительно травмирована

словами Ван Чуна, потеряв привычную уверенность, которую обычно имела.

Что касается тибетцев, она была склонна верить Ван Чуну, особенно после того, как выслушала его соображения по этому вопросу. Ее инстинкты сказали ей, что Ван Чун, вероятно, будет прав в этом вопросе.

«Не нужно беспокоиться об этом, даже ошибки имеют свои достоинства. Хотя эти щиты с башнями вряд ли остановят тибетских кавалеристов, это создает благоприятные условия для меня, чтобы лучше выполнить мой план. Вы нашли тех мужчин, что я просил?» - спросил Ван Чун.

Сложив войска Бай-Сылин, Сюй Гана, Хуана Юнту, Чжао Ятун и его, у них было только сотня кавалеристов. С этим количеством невозможно было иметь дело с тремястами тибетскими кавалеристами. Если Ван Чун хотел выполнить свой план, ему понадобилось бы больше людей.

Только с большим количеством людей он мог бы обеспечить более низкую смертность в конце битвы.

В конце концов, тибетские кавалеристы были не чета Железным Плащам Хайвеймены. Их атака была бы гораздо более грозной.

Вот почему Ван Чун мог принять участие в битве с Железными Плащами, несмотря на то, что те имели значительное превосходство. Но на этот раз у его стороны было гораздо больше солдат, чем у его врагов.

С таким явным преимуществом он должен был быть дураком, чтобы не использовать его!

«Я знаю немало людей в этом военном лагере, поэтому я могла бы получить помощь по этому вопросу. Однако, в отличие от предыдущих командиров, нынешний - из армии Большой Медведицы. Он уже разослал четкое предупреждение, что каждый должен точно следовать своей диспозиции, и любой, кто этого не сделает, будет предан военному трибуналу.»

«Армия Большой Медведицы хорошо известна своей строгостью, поэтому неизбежно, что другие новобранцы будут колебаться в этом вопросе», - вздохнула Чжао Ятун.

Благодаря ее репутации в столице, ей не должно быть слишком сложно подговорить других новобранцев. Тем не менее, Лонси был домом для армии Большой Медведицы, и последствия неповиновения военным командам могут оказаться серьезными.

«Тебе не нужно беспокоиться об этом. Если этот комендант действительно захочет заняться этим делом, я возьму на себя ответственность», - Ван Чун слегка засмеялся, не заморачиваясь об этом.

«Но...» Чжао Ятун нахмурилась, протестуя против плана Ван Чуна. Однако в следующее мгновение ее глаза сузились, и она замолчала.

Это было потому, что Ван Чун вытащил из-за своего пояса тяжелый золотой знак.

«У тебя есть это?» Чжао Ятун с недоверием смотрела на Ван Чуна. «Но поскольку у тебя это есть, нет проблем. Даже этому коменданту нечего будет на это сказать. Хорошо, тогда вам не нужно беспокоиться о проблеме рабочей силы. Они, несомненно, не постесняются предложить свою помощь, зная, что у вас есть такой предмет.»

«Это хорошо», - усмехнулся Ван Чун, и вернул знак обратно за пояс.

Знак короля Суна был не просто для показа. Не только комендант, даже генералы армии Большой Медведицы должны были бы признать его.

В конце концов, помимо того, что он служил цинваном Великого Тана, он был начальником Бюро Военного Персонала Великого Тана!

На протяжении многих лет он был единственным, разрешающим и продвигающим операции и развертывание в Великом Тане.

Кроме того, как глава фракции войны, он обладал невероятным авторитетом в армии.

Даже для Западной Протекторатной Усадьбы Го Сонджи, рационы его армии были в основном преподнесены людьми короля Суна. Под руководством короля Суна Генералы-Протекторы и генералы Великого Тана никогда не беспокоились о поставках и о других разных вещах.

С другой стороны, это означало, что они были зависимы от Короля Суна, и это давало ему большую силу.

Если бы он не опасался встревожить Гешу Хана и вызвать ненужный конфликт, Ван Чун мог бы просто бороться с командованием и нападать на тибетскую армию, основываясь на своих собственных планах.